

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
собрание сочинений • том 5

собрание сочинений • том 5

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Москва 2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Оформление *Натальи Ярусовой*

Фотография на обложке:
Михаил Озерский / РИА Новости

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива Евгения Евтушенко

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 5 / Евгений Евтушенко. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 736 с. — (Собрание
сочинений).

ISBN 978-5-699-88379-0

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному незашоренному мышлению, разрушая железный занавес.

Знаменитые шестидесятые — время расцвета поэзии. И нашумевшие стихотворения и поэмы Е. Евтушенко, такие как «Танки идут по Праге», «Братская ГЭС», «Под кожей статуи Свободы» и многие другие — выразительнейшие знаки эпохи — вошли в 5 том собрания сочинений. В книгу включены стихотворения и поэмы 1964–1970 годов, статьи об искусстве, а также речь-предостережение «Предсказания перед началом XXI века», издающаяся впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-88379-0

© Евтушенко Е. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предсказания перед началом XXI века

1

В 1992 году мой друг Володя Зельман, знаменитый анестезиолог, эмигрировавший в США с помощью мультимиллионера Арманда Хаммера, предложил мне по поручению Оргкомитета Ежегодного мирового конгресса нейрохирургов произнести речь для открытия конгресса не более 45 минут, в Нью-Орлеане; написанную и прочитанную по-английски. Затем запись речи, как мне казалось, исчезла.

Я считал ее безнадежно потерянной, но, к счастью, она оказалась спасенной на видео в 2015 году недавно скончавшимся нейрохирургом Франком Летчером, бывшим незаменимым опекуном симфонического оркестра города Талса. Перечитывая эту речь, написанную мной 24 года тому назад и переведенную мной с помощью моего близкого друга Альберта Тодда, я понял, что предугадал в ней то, что, к сожалению, действительно потом произошло после распада СССР — потеря взаимопонимания и новая холодная война, необъявленная, но сопровождающаяся многими весьма небескровными войнишками и терроризмом; грозящая перерасти в третью войну, после которой может исчезнуть человечество.

В каждом пограничном столбе
есть нечто неуверенное.
Тоска по деревьям и листьям — в любом.
Наверно,
самое большое наказание для дерева —
это стать пограничным столбом.

На пограничных столбах отдыхающие птицы,
что это за деревья,
не поймут, хоть убей.

Наверно,
люди сначала придумали границы,
а потом границы стали придумывать людей.
Границами придуманы
полиция, армия и пограничники.
Границами придуманы
таможни и паспорта.

Но есть, слава Богу,
 невидимые нити и ниточки,
рожденные нитями крови
 из бледных ладоней Христа.
Эти нити проходят,
 колючую проволоку прорывая,
соединяя с любовью — любовь
 и с тоскою — тоску.

И слеза,
испарившаяся где-нибудь в Парагвае,
падает снежинкой
на эскимосскую щеку.

Мой доисторический предок,
как призрак проклятый,
мне снится.

Череп врагов,
как трофеи в пещере копя,
он когда-то провел
самую первую в мире границу

окровавленным наконечником

каменного копья.

Был холм черепов.

Он теперь в Эверест увеличился.

Земля превратилась в огромнейшую из гробниц.

Пока есть границы,

мы все еще доисторические.

Настоящая история начнется,

когда не будет границ.

2

Однажды на реке Амазонка одна старая индианка предложила мне банан. Она аккуратно очистила кожу и только потом почти благоговейно вымыла банан в воде, кишашей пираньями и паразитами. Только после этого почти ритуального священнодействия она решилась протянуть мне банан. Она думала, что так все будет выглядеть гораздо культурней, цивилизованней. Но у меня даже в сердце защемило, потому что эта индианка была с раннего детства лишена понимания, где истинная культура, а где примитивно понятая цивилизованность. Кто имел право украсть у нее — явно честной, трудовой женщины, наверняка прекрасной матери и бабушки, возможность самораскрытия через Шекспира, Данте, Достоевского, Сервантеса, Мелвилла, Шостаковича. Не одна она, а миллионы таких, как она, это часть нашего общего греха — бескультурья человечества. Мы разъединили человечество, разделяя его на три категории.

Первая категория самая опасная. Это те, кто обладает преступной неспособностью чувствовать собственный грех или вину за что бы то ни было. Вся жизнь для них лишь существование без ощущения собственной вины, что делает жизнь более комфортабельной, уютной. Вторая категория все-таки включает людей, у которых проскальзывает время от времени

чувство вины, но обычно ненадолго. Третья категория — она самая скромная по количеству, постоянно чувствующая себя виноватой прямо или косвенно за все на свете. Но именно благодаря таким людям и существует то, что и называется совестью человечества без снисходительного покровительства.

3

Если мы нечаянно наступаем на ногу наших ближних в метро или на перекрестке, мы все-таки приносим извинения. Если мы оскорбляем наших жен грубыми словами, лучшие из нас предпочитают взять свои слова обратно. Но нельзя сложа руки ждать, когда наконец агрессивные националисты или религиозные террористы сами, по доброй воле, смиренхонько сложив губы сердечком, будут брать обратно свои самые оскорбительные слова о других народах и религиях. Свобода слова не должна переходить в свободу личных оскорблений и попрания прав человека.

Увы, есть те, кто не слишком следует главным великим заповедям многих религий и великих писателей, услужливо подчиняясь мелким лицемерным командам собственной трусости и не дозволенной никем вседозволенности. Лишь нравственно сильный человек способен открыто признавать свои ошибки. Но мы должны все-таки понимать, где ошибки, а где преступления. Все, даже самые умные люди, не могут прожить жизнь без ошибок. Почему бы нам однажды не остановиться, подумать, передохнув от соревнований национальных самолюбий, и собираться вместе руководителям всех стран хоть раз в три года, не обвиняя ни в чем других, но прежде всего заговорив о собственных ошибках.

Вместо этого мы продолжаем парад самооправданий. Но почти никто не берет назад политических

оскорблений, боясь потерять так называемое «лицо», и продолжают оскорбления в прежнем направлении.

Если это правда, что у всех нас есть несколько жизней, я попросил бы Бога наказать всех антисемитов тем, что они оказались бы евреями, почувствовав на собственной шкуре все оскорбления и преследования, а все белые расисты родились бы заново чернокожими, чтобы они почувствовали, что такое суд Линча и что такое скрываемый, но все еще проявляющийся расизм. Мы обязаны чувствовать себя виноватыми во всех ненавистях мира. Многие лишь цинично ухмыляются над таким выражением, как «семья человечества», а еще хуже — если употребляют его, то лицемерно.

4

Одно время внимание почти всех западных политиков как на символе зла было сосредоточено на Саддаме Хусейне. Это было легче для Запада — приписать все грехи Саддаму, а потом лихорадочно искать следующего кандидата, на которого сразу свалить все на свете.

Военные комплексы европейских стран и США порой безрассудно увеличивают и увеличивают количество оружия и продают его, даже не задумываясь, в руки тех, кто завтра, быть может, будет убивать при его помощи даже их собственных детей. Мог ли Саддам Хусейн быть таким же опасным, каким он стал бы без немецкой химии, без американского хайтека и без относительной терпимости к нему Запада, будто к игровой карте против Ирана, или без неосторожных симпатий некоторых советских чиновников, заключавших с ним сделки? Саддам — это наш общий коммунистическо-капиталистический выкормыш, мы все ответственные за все его игрушки смерти в игре против бездомных курдов. Когда президент Буш-старший начал войну с Саддамом Хусейном, чтобы остановить вторжение в Кувейт, он все-таки предостерег своих генера-

9

лов от вторжения в Ирак и от расправы с ним. Однако мне кажется, что заманчивая инерция этого вторжения и расправы с Саддамом застряла во многих головах под военными фуражками и может быть безрассудно реализована каким-нибудь будущим президентом. Почему безрассудно? Да потому что если американцы оккупируют Ирак и сбросят Саддама, то они унаследуют все его нерешенные проблемы и могут надолго запутаться в сложных отношениях суннитов с шиитами, да и с теми же курдами, в чем вряд ли хорошо разбираются. Пески Ирака да и других арабских стран могут оказаться для них своеобразно сухой невылазной трясиной на долгие годы, какими для нас оказались когда-то пески Афганистана. Я был поражен наивной детскостью и пафосной безвкусицей некоторых комментариев к войне в Персидском заливе. Один телевизионный американский журналист с энтузиазмом воскликнул, что небо, наполненное летающими ракетами, было красиво, как сверкающая рождественская елка. Подыскивая точное английское слово к этому лицемерию, я даже изобрел слово «Warnography». Любопытно было телевизионное интервью генерала Шварцкопфа, когда он после того, как оказался не у дел, пожаловался репортеру, что невыносимо скучает на пенсии, ибо раньше достаточно было движения его мизинца, чтобы летели самолеты, шли танки, а сейчас он чуть ли не целую неделю безуспешно ждет сантехника после безуспешно отчаянного вызова. А может быть, вообще войны возникают одна за другой только потому, что некоторые генералы не у дел смертельно скучают?

5

Много лет тому назад я был на границе между бывшей советской республикой Грузия и Турцией. Государственной границей была тоненькая речушка. Она непроходимо разделяла столькие семьи. Когда кого-

то хоронили на турецкой стороне реки, по грузинской стороне тоже шла похоронная процессия их родственников.

Те же самые причитания и вопли слышались на обеих сторонах. Боль потери и любовь соединяли оба эти берега, разрушая заминированные границы политики. В человечестве, как ни удивительно, несмотря на непрекращающиеся жестокость и нетерпимость, еще живы такие чувства, как любовь, родственность, сочувствие. Похоронные процессии по обе стороны границ — это признак все-таки существующей тяги даже насильственно разделенных народов друг к другу.

6

Когда Лев Толстой писал «Анну Каренину», домашние подтверждали в своих воспоминаниях, что он испытывал родовые схватки. Закончив роман, он появился утром смертельно бледный и обессиленно выдохнул: «Она умерла».

Флобер говорил про мадам Бовари: “Madam Bovari cest moi.” (Мадам Бовари — это я.)

Великий русский писатель Александр Герцен, давным-давно, до 1917 года, эмигрировавший в знак протеста против крепостничества, говорил о предназначении писателей: «Мы не врачи, мы — боль».

Один доктор-травматолог рассказал мне следующую историю. Две подружки, фабричные девчонки, темной ночью возвращались домой, отпраздновав в кафе вдвоем не такой уж веселый день рождения одной из них.

Рожденница попросила подругу переночевать у нее, потому что бывший муж преследовал ее и мог ворваться к ней. Так оно и случилось. Он ворвался, пьяный, с приятелем, и начал избивать бывшую жену, по-фашистски прижигая ее грудь зажигалкой, а приятель держал в это время за руки его бывшую несчастную жену. Ее под-

руга, защищая ее, швыряла в двух потерявших разум дружков чем попало, крича что было сил. Нападавшие испугались и сбежали. Когда обе девчонки обратились в «Скорую помощь», травматолог обнаружил и на груди подруги, к которой зажигалка и не прикасалась, точно такие следы от ожогов, как и у пострадавшей.

На нее настолько подействовали пытки, которые она видела собственными глазами, что и боль, и следы пыток перешли к ней. Травматолог рассказал мне, что так случается в мединститутах со студентами при изучении симптомов болезней. Если бы все в мире обладали такой чувствительностью к чужим страданиям, может быть, люди что-то бы поняли?

Я думаю, что в этом смысле мы все должны быть докторами друг друга. Хирург не имеет права быть сентиментальным во время операции. Но настоящий доктор не должен привыкать к смерти и быть равнодушным к пациентам.

Согласно Джону Донну, наша отзывчивость есть сложная система колоколов и колокольчиков под кожей, звонящих нам о всех болях на свете. Культура человечества и заключается в том уровне нравственной цивилизации, который определяется чувствительностью к чужим болям.

Какой доброй была бы жизнь, если бы все мы обладали тонкостью ощущения чужих страданий, как та фабричная девчонка, на чью кожу перешли ожоги и синяки ее подруги, и какой мудростью мы бы все обладали, если бы на нас то и дело вспухали кровавые следы пыток в тюрьмах?

Мы стали бы все умней и добрей, и если бы на нашу кожу перешли все побои пьяных мужей со всех унижаемых женщин на свете, все раковые опухоли в госпиталях.

Эгоцентризм, сидящий внутри даже лучших из нас, мешает нам быть настолько болеприимчивыми, чтобы все это вместить в нашу душу. Но мы напрасно этого

страшимся, ибо нам тогда стало бы труднее, но и легче жить. Ведь совесть наша стала бы тем чище, чем больше она беспокоилась бы о других.

7

Телевизионный экран становится тем подносом, на котором нам ежедневно подносят меню из человеческих страданий. На одном ТВ в воздух взлетают взорванные прохожие в Тель-Авиве, на втором палестинские дети в Газе швыряют камнями в израильских солдат, на третьем израильские ракеты летят в палестинских детей, на четвертом полицейские избивают дубинками афроамериканцев в США, на четвертом мы видим эфиопских детей с животами, вздутыми от голода, на пятом сомалийских пиратов, захватывающих мирные суда, на шестом русские дальнобойщики перекрывают дороги, протестуя против дорожного бандитизма.

Мы видим сегодня на апокалиптических экранах то, что перечислять даже тошно, что складывается в угрожающую мозаику, надвигающуюся со стен наших собственных жилищ на человечество как реальная угроза пока еще холодной Третьей мировой войны, опять расколовшей нас гигантским айсбергом. Одно движение, и чьи-то страдания будут переключены на развлечения. Телевидение — это самообман. Оно помогает нам чувствовать, что мы участники истории. А на самом деле мы лишь потребители визуальных иллюзий с телеэкрана. Слишком просто выключить на нем наш ежедневно наблюдаемый позор взаимоуничтожения и запить его джин-тоником.

8

Однажды даже Сталин, празднуя победу над фашизмом, нашел в себе мужество признать, что народ вырвал эту победу, несмотря на несправедливости,

допущенные перед войной. Он первый и единственный раз в жизни покался, что всячески замалчивают нынешние коммунисты-капиталисты и ни разу не покалялись от имени всей своей партии. Но он покался слишком коротко. Это было, может быть, самое короткое покаяние. Сталин перечеркнул свой стыд отсутствием истинной просьбы о прощении на коленях.

Сахаров, когда изобрел водородную бомбу, пытался объяснить Хрущеву, что ее существования достаточно для того, чтобы Трумэн не продолжил экспериментировать со следующей американской бомбой. Великий ученый считал своей обязанностью предупредить правительство о том, чтобы советскую водородную бомбу не испытывали на полигоне, потому что заранее трудно будет предугадать последствия.

Сахаров старался вложить разум и осторожность в мозг диктатуры навсегда. Не получилось. Хрущев на него только накричал, когда он предложил отменить первую рискованную пробу. Лишь очень немногие поддерживали Сахарова. Бессмысленно много погибло людей при испытании. Исповеди всегда бывали наказаны теми, чья главная забота — скрывать свои мысли. Но самый болезненный секрет был в том, что у них не было души, куда можно было бы прятать секреты. Самые опасные политики — это те, чьи личные секреты становятся секретами государства. Эти люди лгут в своих дневниках. Их мемуары становятся антологиями лжи. Они лгут даже своим отражениям в зеркалах. Но многие из них рискнули самым дорогим для каждого — своей жизнью, настаивая на испытании. Потери атомщика ужаснули. Именно это чувство ответственности за человеческие жизни кардинально изменило Сахарова, постепенно превратив его из великого ученого в великого мыслителя-гуманиста, сделав вовсе не врагом собственного государства, а врагом войны как таковой.

Я познакомился с Вернером фон Брауном гораздо раньше, чем с Сахаровым, но между ними была про-

пасть. В Сахарове жили Толстой, Ганди, Чехов. В технаре, и только, Вернере фон Брауне я не нашел ни Гете, ни Томаса Манна, ни Генриха Белля. Исповедаться даже на ухо Христу — это подвиг, но исповедаться перед всем человечеством — это нечто большее. Трагедия Хрущева в том, что в 1956 году на Девятнадцатом съезде он пошел на риск осудить сталинские преступления, но не нашел в себе мужества признать и свою вину в этом. Если бы он решился и на это, он бы мог потерпеть полное поражение, но была бы и редкая возможность начать перестройку на столько годы раньше.

9

И тогда бы не было ни массового расстрела шахтеров во время их голодной забастовки в Новочеркасске, ни жестокого подавления восстания в Будапеште, не было бы ни Берлинской стены, ни ракет на Кубе, ни советских танков в Праге, ни диссидентских процессов в Москве, войны в Афганистане. Это показывает, как страх перед исповедью становился исторической виной. Историческая вина — это синоним опухоли, разрушающей мозговую ткань. Она требует опасной операции. Но удаление мозговой опухоли возможно только через публичную исповедь, и это требует огромного мужества политических нейрохирургов.

Помечтаем хотя бы на мгновение. Представим себе обмен исповедями лидерами многих стран. Без риторического и циничного торгашества одного за другим. Как прекрасно было бы услышать Горбачева, признающего свои разрушительные экономические ошибки. Как прекрасно было бы увидеть ошибки Буша-младшего, исповедующегося, что вместо празднования его победы над Багдадом и отвратительно кровавой расправы Саддама ему надо было бы признать, что он не сумел предвидеть распада устоявшихся структур, все-таки